

ыше уже шла речь о стандартизации традиции в передаче ее mass media. А это лишний раз напоминает о необходимости в высшей степени осторожного подхода к культурной традиции в новых условиях. Понятно, что было бы до крайности нелепо недооценивать огромную культурную роль аудиовизуальных средств, телевидения в первую очередь. Но разве не появлялись уже в печати достаточно тревожные сигналы по поводу того, что порой знакомство части телевизионной аудитории, скажем, с русской классической литературой стало ограничиваться одной лишь телевизионной интерпретацией классики? Конечно же, и это благо: но остается все же опасность того, что при нехватке избирательности, а уж тем более такта при обращении к классической культурной традиции средств массовой коммуникации самая эта традиция все больше начинает ощущаться массовой аудиторией как что-то сугубо сиюминутное. А ведь классика потому и классика, что представляет вечные культурные ценности!

Высказанные здесь соображения, естественно, ни в коей мере не претендовали на полное освещение проблемы, тем более на ее решение. Если они в какой-то мере могут оказаться небесполезными при обсуждении важнейшего для этнографии и культурологии вопроса о механизме бытования культурной традиции в современных исторических условиях, автор будет считать свою цель достигнутой.

**А. С. Герд, И. С. Лутовинова,
Л. П. Михайлова, Т. В. Рождественская**

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА В ТРУДАХ
ЯЗЫКОВЕДОВ И НЕКОТОРЫЕ
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА¹**

За последние годы вновь наметилось плодотворное сближение языкознания, и в частности диалектологии и истории языка, с этнографией. На наших глазах все отчетливее оформляется новая междисциплинарная наука — этнолингвистика, наиболее ярко представленная сегодня в исследованиях Н. И. Толстого (Москва), а также его учеников и последователей в Ленинграде, на Украине и в Белоруссии.

В то же время встречаясь с этнографами, археологами, задаешь себе вопрос: почему огромные материалы, накопленные лингвистами, мало используются даже в лучших обобщающих работах этнографов и археологов? Ответ на этот вопрос не так прост. Причина, конечно, кроется не в чьем-либо нежелании, а в том, что лингвистические исследования, исключая атласы и некоторые словари, в целом ориентированы не на историю вещей, не на теорию этногенеза, а на языкознание. Частично это связано также с тем, что объекты лингвистики (фонема, морфема, слово, грамматические категории) очень сложны и все внимание исследователя направлено на вскрытие природы и структуры этих объектов, на описание их истории, происхождения; сложен и метаязык работ по языкознанию, в особенности трудов по грамматике. Таким образом, если в лингвистическом исследовании нет этнолингвистических выводов, то извлечь их из работ по языкознанию нелегко.

Казалось бы, все сказанное не относится к словарям, но и это не совсем так. Например, в этимологическом словаре мы обычно находим этимологию слова, историю формы, реконструкцию, как правило, вне всякой связи с их хронологией. Толкования слов, обозначающих реалии крестьянской жизни, даже в диалектных словарях чаще всего явно недо-

¹ Исторически в лингвистическом плане понятие «Русский Север» включает и районы Северо-Запада (Новгород, Псков, Тверь).

статочны и неполны в энциклопедическом отношении, не отличаются они и необходимой детализацией. Определенную отрицательную роль сыграло и имевшее в свое время место в языкознании скептическое отношение к теории слов и вещей. В целом опыты использования результатов языкознания в различных сферах показывают, что они каждый раз требуют своей переинтерпретации для новых задач, а также для дальнейшего развития этнолингвистики.

Итак, ответ на вопрос, поставленный выше, заключается в том, что у нас все еще мало лингвистических исследований, ориентированных на этнолингвистику, на этногенез и этническую историю, непосредственно на этнографов, археологов, историков. Нужны специальные этнолингвистические словари, атласы, исследования, обзоры.

В этой связи настоящая статья имеет целью анализ лингвистических исследований и их выводов с позиции проблем этногенеза и этнической истории².

Приступая к анализу фактов, уточним некоторые исходные понятия. Целесообразно различать историю языка (диалекта), историю этноса и этническую историю ареала.

Историческая диалектология изучает развитие диалекта как системы вне привязки к конкретной территории и народу. Обращаясь в прошлое, мы видим, что неплохо знаем многие языки, но нередко нам мало что известно о народах, которые на них говорили. Объект этнической истории ареала — история тех этносов, которые некогда обитали на данной территории. Ни история диалекта, ни история этнографических или археологических культур по стдельности не составляют еще предмета теории этногенеза. Объект этногенеза — история населения ареала по итогам исследования ее различными науками об эволюции человека, его антропологическом облике, деятельности, занятиях и миграциях в разные исторические эпохи. Предмет настоящей статьи — этническая история ареала.

Исключительно благоприятным фактором, способствующим развитию ареальных этнолингвистических работ, является массовость однородного материала (множество фиксаций слова в разных контекстах из одного района, сотни регистраций одного слова в разных значениях из смежных ареалов, бесконечное число семантических вариаций слов). Массовость материала по смежным ареалам порождает его непрерывность. Например, в картотеках научных учреждений Ленинграда, Москвы, Петрозаводска, Вологды, Череповца, Ярославля, Пскова, Новгорода мы имеем огромные фонды слов и форм, образующих разного рода непрерывные ареалы от границ Белоруссии до Белого моря, Мезени и Печоры.

В то же время обилие разнородных материалов порождает и свои проблемы. Одна из них — это вопрос о глубине этногенетического анализа, о необходимости различать разные его уровни. Отправляясь от верхних хронологических пластов, вполне возможно вести исследования, ориентированные на этническую историю современных народов. Так, при изучении этнической истории русских важна разработка истории локальных групп русских: поморов, псковичей, белозер, заонежан. Этот уровень разработки проблем этногенеза характеризуется тесной связью с историей конкретного ареала, с данными этнографии, языкознания, письменных источников, политической истории.

Иной уровень представляет собой определение этногенетических корней этих народов. Данный этап анализа связан с выходом за пределы

² В статье рассматриваются отечественные работы с 1962 по 1982 г., принадлежащие преимущественно филологам-славистам. В связи с тем что названия работ почти всегда включают указание на характер языковых данных (звуки, аффиксы, слова и т. п.), на основе которых получены результаты, в тексте самой статьи эти данные не рассматриваются, вся информация может быть извлечена из литературы. В тех случаях, когда у одного и того же автора имеются как частные работы, так и обобщающие, ссылки приводятся на последние.

Термин «язык» в статье используется в значении «язык как совокупность диалектов».

своего ареала, с обращением к субстрату, с привлечением данных не только этнографии, лингвистики, но и археологии, антропологии.

Наконец, третий уровень — это уровень, ориентированный на установление глубинных связей в культурах разных регионов. На этом уровне анализ ограничивается, по-видимому, в основном определением структурно-типологических сходств разных культур в различных ареалах (ср. проблемы этногенеза Океании, Сибири, ностратическую теорию).

Обращаясь к трудам языковедов, мы находим в них немало материалов, выразительно свидетельствующих о той роли, которую сыграл субстрат в истории Русского Севера. При этом большинство исследователей справедливо полагают, что балто-финские связи относятся к более древнему периоду, чем славяно-финские. Более того, языковые факты приводят некоторых исследователей к мысли о том, что на территории Русского Севера, в частности, на его западной периферии, прослеживается глубокий добалто-финский субстрат³. Собственно балтийский субстрат на Севере проявляется только к югу от Пскова, но здесь его нелегко отличить от более поздних волн. Балтизмы псковских говоров обычно выступают как часть лексики севернославянобалтийской зоны⁴. Следы же финно-угорского субстрата в той или иной степени отмечаются лингвистами на всем Севере от Пскова и Калинина до Белого моря и низовьев Мезени и Печоры.

Анализируя языковой материал, авторы уточняют конкретные зоны проявления субстрата. Это территории вокруг Пскова, Новгорода, Ростова Великого, Переславля Залесского, юго-запад Псковщины, восточное Причудье⁵. Наиболее ярко финно-угорский субстрат прослеживается на Ояти, в Заонежье, Беломорье, Белозерье, к западу от Северной Двины, в междуречье Двины и Волги.

Так, по последним данным в бассейне р. Оять выделяются следующие исторические пласты: древнейшие волжско-финский и саамский, далее в хронологическом порядке следуют вепсский и русский. Исследователи приходят к выводу о том, что группа русских на Ояти — итог скрещивания двух этнолингвистических групп — собственно восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской), частично перешедшей на русскую речь⁶.

Большое число именно прибалтийско-финских слов отмечено в русских говорах Карелии⁷. В лингвистической истории Заонежья намечается ряд периодов, среди которых основной — прибалтийско-финского лингвистического ландшафта; выделяются также периоды языкового и этнического скрещивания и сосуществования трех типов речи: прибалтийско-финской, восточнославянской и билингвизма⁸.

В Беломорье из общего числа заимствований отмечено в среднем 39% вепсских по происхождению слов, 40% карельских и 10% саам-

³ Ларин Б. А. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л., 1963; Герд А. С. Из истории прибалтийско-финских названий рыб. — Советское финноугроведение, 1970, VI, 2.

⁴ Лаучюте А. Ю. Лексические балтизмы в славянских языках: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1971; Мокиенко В. М. Лингвистический анализ местной географической терминологии: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1969.

⁵ Глушкина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком (ch) в псковских говорах. — В кн.: Псковские говоры. Т. I. Псков, 1962; *ее же*. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах. — В кн.: Псковские говоры, т. III. Псков, 1973; Строганова Т. Ю. К проблеме отражения русско-финских языковых контактов в фонетической системе говоров (по материалам русских говоров восточного Причудья). — В кн.: Ареалы исследования в языкознании и этнографии (тезисы докладов). Л., 1971.

⁶ Муллонен И. И. Гидронимия бассейна р. Оять: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Тарту, 1983; Герд А. С. Русские говоры в бассейне реки Оять. — В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

⁷ Доля Т. Г., Суханова В. С. Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии (имена существительные). — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971; *их же*. Существительные на -га в русских говорах Карельской АССР. — В кн.: Севернорусские говоры. В. 2. Л., 1975.

⁸ Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья. — В кн.: Севернорусские говоры. В. 3. Л., 1979.

ских. Саамский субстрат отмечен и на южном берегу Белого моря, в топонимике — на Терском берегу; карельские и вепские слова могли быть занесены сюда русскими и с юга⁹.

Восточные районы Белозерья отличаются более ранней ассимиляцией вепс славянами. В западных районах долго существовал этнический субстратный массив; вепсский язык был активным средством общения еще в первой четверти XVI в. Об этом, в частности, свидетельствует богатство субстратной микропонимии западных районов в сравнении с восточными¹⁰.

В то же время на западе Архангельской области восточнофинские заимствования отмечаются не далее Двинского бассейна; часть заимствований из прибалтийско-финских языков распространена только в поморских говорах, и исследователи предполагают, что древних контактов русского населения с прибалто-финноязычным на значительной территории Двинской земли не существовало¹¹.

Финно-угорские наименования в гидронимии западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада показывают, что эта территория была зоной непосредственного контакта носителей балтийских и финно-угорских языков; северо-восточная граница балтийской гидронимии проходит по линии р. Холова — оз. Мстино¹².

Лингвисты выделяют также и конкретные этнолингвистические субстратные типы. На крайнем западе и севере был распространен севернотерский тип названий, близкий к финскому-суоми. Район Кенозера на крайнем западе Архангельской области занимала прибалтийско-финская чужь, близкая в одних отношениях к ливвикам и людикам, а в других — к собственно карелам.

В бассейне р. Выи; по р. Суре и кое-где по среднему течению Пинеги обнаруживаются названия вепско-людиковского типа, в бассейне Ваги также отмечаются топонимы вепского облика. В прибалтийско-финской топонимике Севера наиболее распространенным, по-видимому, является вепсский тип. Картина была сложной: по Северу расселились различные этнические группы прибалтийских финнов, причем карельская колонизация шла из Карелии, с Белого моря, с устьев больших рек, а вепская — по рекам лесной зоны с юго-запада на северо-восток. Эти передвижения, очевидно, происходили незадолго до русской колонизации. Юго-западная граница сплошного распространения дифференцирующих прибалтийско-финско-саамских микропонимических формантов идет по линии Кубенское озеро — оз. Лача — устье р. Устья — р. Верхняя Тойма — р. Илеша. Отдельные названия с этими формантами отмечены между указанной границей и р. Сухоной¹³.

Вепско-карельский тип характерен для Заонежья, Беломорья; вепсский — для южного Приладожья, Обонежья, Пинеги; саамский — для бассейна Ояти, Прионежья, Заонежья, Пудожья, Обонежья, Беломорья, Белозерья, среднего течения Пинеги, низовьев Емцы; эстонский — для Причудья¹⁴.

⁹ Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов в Карелии: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1966; Воронова Л. А. Русская промысловая лексика рыбаков Беломорья: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1968; Керг Г. М. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981.

¹⁰ Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья. — В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров; ее же. Из истории диалектных границ в связи с заселением Северной Руси. — Вопросы языкознания (далее — ВЯ), 1976, № 2.

¹¹ Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика, 1971. Л., 1972.

¹² Агеева Р. А. Географические апеллятивы в гидронимах западной части Калининской области и прилегающих районов Северо-Запада РСФСР. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.

¹³ Матвеев А. К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории Севера европейской части СССР: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Свердловск, 1970.

¹⁴ См сноску 7.

В северо-восточной части Волго-Двинского междуречья выявляется преимущественно саамский и пермский субстрат, на юго-западе — прибалтийско-финский и марийский. Волго-Двинское междуречье хранит следы вымерших финно-угорских языков¹⁵.

Определенные трудности в обращении с лингвистическими фактами обусловлены также сложным внутренним характером самой языковой системы. Языковая система представляет собой достаточно замкнутое целое, которое, исключая лексику и синтаксис, слабо поддается влияниям извне. Отсюда проистекает и возможность двойственных интерпретаций одних и тех же фонетико-морфологических явлений. Например, цоканье, чоканье или перенос ударения на первый слог могут быть объяснены и как результат внутреннего саморазвития системы языка, и как влияние субстрата¹⁶.

Почти все языковеды выделяют два, принципиально различных этапа двуязычия, сыгравшие немалую роль в этнической истории Севера. На первом — это следы былого билингвизма там, где сейчас его уже нет. Эпоха былого билингвизма — важный период в древнейшей истории русских на Паше, Ояти, Свири, в Заонежье и Пудожье, в более позднее время — на Вятке, Мезени, Печоре¹⁷.

На втором этапе особо выделяются лингвистами те районы, где процесс распространения двуязычия протекает активно и сегодня. Это восток Эстонии, запад Ленинградской области, верховья Ояти, Карелия, Коми АССР¹⁸. Факты позволяют по-новому посмотреть на традиционную проблему ассимиляции. Приведенные материалы показывают, что в этнической истории ареала не меньшую роль, чем миграции, играют процессы длительного сосуществования и взаимного влияния разных этносов в одном ареале. В результате такой многовековой интерференции путем контаминации старых и новых признаков формируется новый этнический тип. В ряде случаев, когда обычно говорят об ассимиляции, перед нами скорее не ассимиляция, а интерференция и трансформация¹⁹.

Следующий уровень, существенный для этногенетических исследований, который хорошо выделяется в трудах языковедов, — выявление севернорусско-межславянских этнолингвистических связей. Наиболее изучены здесь Псков и псковские говоры. Поэтому уместно привести их в качестве примера.

На разном языковом материале (наиболее убедительно по данным лексики и словообразования) языковеды выделяют следующие типы этнолингвистических связей псковских говоров: 1) псковские говоры и все славянские диалекты; 2) псковские говоры, все восточнославянские диалекты, диалекты польского, чешского, словацкого, нижнелужицкого языков в их противопоставлении всем южнославянским диалектам. Это едва ли не основное противопоставление, которое характеризует как псковские, так и новгородские, белорусские, украинские диалекты; 3) псковские говоры вместе с другими восточнославянскими диалектами и польским языком в их противопоставлении чешскому, словацкому и южнославянским диалектам; 4) псковские, другие восточнославянские диа-

¹⁵ *Востриков О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья — В кн.: *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981; Большой субстратный материал по Русскому Северу накоплен в трудах А. И. Попова; см. *Попов А. И.* Следы времени минувших. Л., 1981; там же находится и список трудов А. И. Попова.

¹⁶ *Колесов В. В.* К фонологическому объяснению севернорусского цоканья. — В кн.: Тезисы докладов на X диалектологическом совещании. М., 1965.

¹⁷ *Мещерский Н. А.* К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР. — Уч. зап. Карельского пед. ин-та, 1962, т. 12; *Макарова Л. Н.* К истории аффрикат в русском языке (по материалам Кировских говоров). — ВЯ, 1973, № 1; *ее же*. О происхождении цоканья, чоканья в Кировских говорах. — В кн.: *Очерки по русскому языку*. Киров, 1974.

¹⁸ *Сергеенко Э. С.* Русский говор поселка Нювчим Сыктывдинского района Коми АССР: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Сыктывкар, 1969; *Хейгер Х.* О нейтрализации фонологической оппозиции по твердости и мягкости согласных в одном русском говоре контактной зоны. — В кн.: *Псковские говоры*. Т. IV. Л., 1979.

¹⁹ *Бромлей Ю. В.* Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР. — Сов. этнография, 1983, № 2, с. 10.

лекты в их противопоставлении западным и южным славянским языкам; 5) псковские говоры, другие восточнославянские диалекты, польский, чешский, словацкий, сербохорватский в их противопоставлении болгаро-македонской зоне; 6) псковские говоры, другие восточнославянские диалекты, чешский, сербохорватский в их противопоставлении остальным славянским диалектам; 7) только псковские, украинские, чешские, сербохорватские диалекты в их противопоставлении остальным славянским диалектам.

Последние типы этнолингвистических связей ярко выделяют общность псковских, новгородских, других восточнославянских диалектов с диалектами чешскими и сербохорватскими в их противопоставлении прежде всего болгаро-македонской диалектной зоне. По-видимому, в определенный исторический период предки псковичей оказались в той группе носителей праславянских диалектов, которая находилась в тесных контактах с предками украинцев и белорусов, сербов, хорватов, словенцев, поляков, чехов, словаков. Позднее предки псковичей и некоторых групп восточных и западных славян и нижнелужичан переживают период тесного сближения и обособляются от южных славян в целом²⁰. Выделяются также русские северо-западнословенские связи²¹, а также новгородско-белорусско-западнославянские, русско(новгородско)-украинско-южнославянские.

Рассмотрение этого уровня ставит перед исследователем общий вопрос: возможно ли вообще авторское самоограничение отдельным ареалом, локальной зоной при постановке этногенетических задач? Думается, что такое самоограничение иллюзорно. История этноса на данной территории сразу же влечет за собой реконструкцию этнической истории всех тех этносов, с которыми он некогда контактировал, а соответственно и выход за пределы «своего» ареала. Но в то же время ответ на вопрос об этнической истории конкретного ареала очень важен, так как позволяет пласт за пластом вскрыть этническую историю данной историко-географической области.

В трудах языковедов большое место занимает уровень этногенетических исследований, связанный с выделением и обособлением в пределах Русского Севера отдельных групп диалектов и определением их генезиса и взаимосвязей. И здесь также лучше других изучены псковские говоры. Они обнаруживают тесные связи с другими диалектами к северу от Пскова, Новгорода, Калинина (псковско-севернорусские связи). Например, Псковская судная грамота и грамоты Пскова XIV—XV вв. содержат 10 слов, имеющих псковско-новгородские соответствия. Все это лишний раз свидетельствует о том, что с XI—XII вв. псковские кривичи и новгородские словене вступают в тесные контакты²².

²⁰ Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962; его же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; Герд А. С. Из истории связей псковских говоров с другими славянскими языками и диалектами.— В кн.: Псковские говоры, т. II. Псков, 1968; Лебедева А. И. Слова с корнем -жм- в значении «скупой человек» в псковских и других говорах.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969; Мокиенко В. М. Указ. раб.; Герд А. С. Словообразовательные модели имен существительных с суффиксами с детерминативами, х, ш, н в псковских говорах в сравнении с другими славянскими языками и диалектами.— В кн.: Псковские говоры, т. III; Жельская О. С. О лексических связях псковских говоров с западными славянскими языками.— Вестник ЛГУ, 1963, № 14, в. 3.

²¹ Михайлова Л. П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1970; Бондарчук Н. С. Семантика и лингвогеография лексики веретей в письменных памятниках XIV—XVII вв.— В кн.: Русская лексикология. Калинин, 1978.

²² Жельская О. С. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв.: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1956; Жуковская З. В. Фонетические изоглоссы псковских говоров.— В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя. Л., 1961; ее же. О типе говоров южного Приладжья и Прионежья.— Уч. зап. Псков. пед. ин-та. Псков, 1961, в. 7; Иващица Е. Н. Некоторые синтаксические особенности северных говоров.— Уч. зап. МГПИ им. Потемкина. М., 1962, № 184; Жуковская З. В. О типе говоров к югу от Гдова.— В кн.: Псковские говоры, т. I; Денисенко Ю. Ф. Местная военная лексика Псковской летописи.— В кн.: Псковские говоры, т. II; Строгова В. П. Об особенностях

Отметим также псковско-новгородско-тверские (селигерские) связи²³. Интересные типы связей обнаруживает «Разговорник» Тонниса Фенне, написанный в Пскове в 1607 г. По данным частичного обследования его лексики «Разговорник» содержит: собственно псковских слов 17; новгородско-псковских 6; общих для псковского и других северных говоров 18; псковско-новгородско-смоленских 3; псковско-юго-западных (Смоленская, Тамбовская, Брянская губернии; Украина, Белоруссия) 13; псковско-новгородско-тверских и северных 5²⁴.

Сильное влияние псковских говоров на север прослеживается до Паши, Капши, Ояти и несколько ослабевает лишь в Прионежье и Заонежье.

Отметим многообразные связи псковских говоров со смоленскими, брянскими, курскими, орловскими, калужскими диалектами, а также с белорусским языком. Здесь особо выделяется единая сильная и четкая зона, включающая в себя говоры южной Псковщины в целом (не севернее линии Опочка — Великие Луки — Кунья) и курско-орловские, брянские, смоленские, калужские диалекты. Сильные юго-западные связи обнаруживают и говоры к югу от Пскова — Порхова²⁵.

В XIV—XV вв., в период образования Псковского княжества (1348—1510), к югу от линии Гдов — Псков — Порхов — Селигер — Ржев возникает псковско-гдовская группа говоров. В этот период стабилизируется и ее южная граница по линии Себеж — Ржев — южная граница Псковского княжества, позднее северная граница Литовского, а затем Польско-Литовского государства. Падение Пскова в 1510 г. приводит к усилению влияния Москвы, что и отразилось прежде всего в письменном языке. Живая народная речь в целом не изменилась; угасает тенденция к обособлению языка; растёт влияние общерусской нормы.

Особый круг вопросов в лингвистической литературе — взаимодействие новгородского и ростово-суздальского влияния. По языковым данным, сильное древненовгородское влияние обнаруживается в юго-восточном Приладожье, в Вологодской области, к западу от р. Онеги, на самой Онеге вверх до Биричевских порогов, в Каргополье, в Поморье (на Зимнем, Летнем, Онежском берегах), на Нижней Пинеге, Печоре, в низовьях Мезени²⁶.

суффикса -(н)яг в новгородских говорах.— Там же; Мокиенко В. М. Указ. раб.; Храмова В. П. Лексика псковских рыбаков: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1969.

²³ Глукина С. М. Упрощение некоторых групп согласных.— В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962; Никитин А. В. Топонимы типа «Подъяблонька» в местных названиях земельных угодий Новгородской и Псковской областей.— В кн.: Псковские говоры, т. I. Большой материал о связях новгородских говоров собран в трудах В. П. Строговой.— В кн.: Славянское языкознание. Т. 1—5. М., 1963—1981.

²⁴ Ивашко Л. А., Мжельская О. С. Прилагательные, называющие черты характера человека и особенности его психического склада, в русско-немецком «Разговорнике» Тонниса Фенне (1607 г.).— В сб.: Русская историческая лексикология и лексикография. В. 2. Л., 1977; *их же*. Названия членов человеческого тела по данным русско-немецкого «Разговорника» 1607 г.— В кн.: Севернорусские говоры, в. 2; Мжельская О. С. Глагольная лексика в «Разговорнике» Тонниса Фенне.— В кн.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. В. 2. Славянская историческая лексикология. М., 1975; *ее же*. Глагольная лексика в «Разговорнике» Тонниса Фенне (статья «Глаголы-диалектизмы»).— В кн.: Псковские говоры, т. IV; *ее же*. Явления вариантности в разговорной речи средневекового города.— В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. В. 3. Л., 1983.

²⁵ Герд А. С. О некоторых словообразовательных особенностях русских северо-западных диалектов.— В кн.: Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании. М., 1963; Глукина С. М., Гомонов И. Т. Изоглоссы некоторых грамматических явлений в псковских говорах.— В кн.: Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя; Герд А. С. Из русско-белорусских языковых отношений.— В кн.: Тезисы докладов на X диалектологическом совещании.

²⁶ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970 Сологуб А. И. Об эволюции новгородского диалекта.— В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970; Меркурьев И. С. Мурманский говор. Мурманск, 1962; Семенова К. И. Смешанные говоры Беломорья.— В кн.: IX научная конференция Северо-Западного зонального объединения, ч. 2. Л., 1967; Лисенкова Д. Т. Основные особенности вокализма в русских говорах с Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР.— Уч. зап. Коми пед. ин-та, 1962, в. 10; см. также кн.: Севернорусские говоры. В. 1. Л., 1970; Сими́на Г. Я. Пинежье. Л., 1970.

Черты древненовгородского диалекта лучше сохранились в говорах вологодской группы, чем в говорах Новгородской области. Причины этого кроются в сложной судьбе населения Великого Новгорода после покорения его Москвой. Опираясь на лингвистические данные, исследователи предполагают, что древнее новгородское население покинуло свои места в XV в., передвинувшись на северо-восток, а на новгородскую территорию пришли группы населения из Ростово-Суздальской земли²⁷.

В истории образования говоров Заонежья выделяют особый период миграции носителей единого псковско-новгородского диалекта, затем период миграции носителей собственно псковского диалекта. Формирование особого заонежского типа севернорусских диалектов ознаменовалось ростом местных инноваций, отмиранием билингвизма. По-видимому, в историческом плане русские говоры Заонежья, Карельского Беломорья, Терского берега, Мурмана, Заволочья, бассейна Онеги — исконные говоры старой Новгородской земли X—XII вв., так называемого северного (новгородского) наречия, возникшие в результате ранней новгородской колонизации.

В конце XIII—XIV в. под влиянием татаро-монгольского ига начинается миграция «южнорусов» и «западнорусов» на Новгородские земли. По западным водным путям они доходят до южного Приладожья и Заволочья. После обособления псковско-гдовской группы говоров в XIV—XVI вв. с территории северо-западной Псковщины идет новая волна переселения. Позднее с оформлением границ Обонежской пятины (XV—XVI вв.), затем в 1708 г. Ингерманландской, а с 1784 г. Олонецкой губернии, включивших в свой состав Каргополь и среднее течение Онеги, характерные черты говоров Заонежья вместе с переселенцами распространяются с запада на восток до Каргополя и Онеги (ср. данные о проникновении западнорусского и частично южнорусского и среднерусского типов жилища именно в Заонежье и Каргополье). Ни Карельское Беломорье, ни Терский берег, ни Мурман, ни бассейн р. Онеги ниже Биричевских порогов, ни низовья Северной Двины, Пинеги, Мезени, Печоры в целом, по-видимому, так и не были охвачены миграциями населения с юга на северо-запад в XIII—XVI вв., ни более поздними переселениями на север с юго-востока, Верхнего Поволжья²⁸.

По данным языка, большую роль в истории Русского Севера сыграли древняя ростово-суздальская, а позднее — московская миграции. Восточное Белозерье активно заселялось выходцами, как из Новгородской земли, так и из Ростово-Суздальского, а позднее Московского княжеств. Иной характер имела славянская колонизация в западных районах Белозерья (течение Суды, Андоги, Колпи). Здесь она не была такой массовой, как в районах по течению Шексны и на побережье Белого озера. Западные районы Белозерья подверглись колонизации в основном из пределов Новгородской земли. Верхневолжская колонизация, по-видимому, затронула данную территорию слабо и в более поздний исторический период. Славянское население в районах по течению Суды, Андоги, Колпи было довольно редким²⁹.

На территории Владимиро-Суздальского княжества поток словен (новгородцев) был значителен, но этнически неоднороден. В основном новгородцы колонизовали левобережье Волги. Из Белозерья они расселялись в двух направлениях — в сторону Ростова и по р. Сухоне до Великого Устюга.

Первые русские поселенцы в Ростове были новгородцами из Белозерья, которые здесь смешались с кривичами и другими новгородцами, шедшими от Торжка с верховьев Волги. Кривичи селились на правобе-

²⁷ Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

²⁸ Герд А. С. К истории диалектных границ на севере и северо-западе Европейской части СССР. — В кн.: Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1969.

²⁹ Бувадьцева М. Н. Вокализм говоров Белозерского района Вологодской области. — Уч. зап. Ровенского пед. ин-та, 1963, т. VIII; Чайкина Ю. И. Лексика Белозерья в историческом аспекте: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук. Л., 1974.

режье Волги³⁰. С XI—XII вв. начинается обособление ростово-суздальских говоров³¹.

Древнейшая диалектная граница по водоразделу Онеги и Двины с Вагой разделяет традиционные сферы культурного и языкового влияния восточнославянского северо-запада (Новгорода) и северо-востока (верхнего Поволжья, позднее — Москвы).

В Архангельской области выделяется юго-западный ареал, образование которого обусловлено, вероятно, новгородской колонизацией и последующим обособлением в пределах Олонецкой губернии. Двинские изоглосы позволяют говорить о мощном колонизационном потоке вниз по Двине. Такой же характер носят и важские изоглоссы. Вага, по-видимому, также заселялась с юга. Можно обособить и пинежско-мезенский ареал, при этом говоры Верхней Пинеги близки верхнедвинским. Верхняя Пинега заселялась не с низовьев, а с запада через волоки от Двины и Верхней Тоймы³².

Территория Калининской области издавна занимала пограничное положение: здесь проходила граница между новгородскими словенскими и восточными кривичами, а позднее между Новгородской и Ростово-Суздальской землями. В фонетической системе говоров Калининской области на восток от Калинина обнаруживаются собственно местные новообразования, возникшие на основе ростово-суздальских особенностей. В XVII в. южная и северная части Тверского края были разделены полосой, заселенной карелами, в результате чего «не могло произойти столкновения носителей владими́ро-поволжского диалекта и новгородского»³³.

Языковые данные во всей их совокупности заставляют исследователей включать Угличское Верхневолжье в кривичскую зону. В славянское время и до XIX в. оно было тесно связано не столько с Ярославской, сколько с Тверской землей, а через нее с Поднепровьем и восточнославянским Северо-Западом³⁴.

Наконец, немало фактов свидетельствует об обособлении отдельных диалектных зон и ареалов.

Локальное членение русских говоров вокруг Пскова, Новгорода, Вологды, Ярославля неплохо отражено в лингвогеографической литературе с помощью карт и описаний³⁵.

На Псковщине авторами выделяются четыре малые (севернопсковская, среднепсковская, восточнопсковская и южнопсковская) и две большие (северо-восточная и юго-западная) группы говоров³⁶.

Изучение распространения диалектных особенностей в Кировской области позволяет выделить в особые зоны территорию в центральной ее части, ограниченную с севера р. Пижмой до впадения Вятки, с юга —

³⁰ Мельниченко Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — нач. XIII в. Ярославль, 1974.

³¹ Хабургаев Г. А. Этнонимика «Повести временных лет». М., 1979.

³² Дерягин В. Я. О развитии диалектов Архангельской области по данным истории и географии слов: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1966; Дерягин В. Я., Комягина Л. П. Из истории диалектных границ в северной России. — ВЯ, 1968, № 6; Комягина Л. П. Лексические диалектные различия в говорах Архангельской области: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1972; *ее же*. Об основных границах архангельских диалектов. — В кн: Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.

³³ Кириллова Т. В. Очерки по фонетике говоров Калининской области. Калинин, 1975, с. 116.

³⁴ Русинов Н. Д. Граница между ярославско-коstromскими и калининскими говорами теперь и в прошлом. — В кн: Эволюция и предистория русского языкового строя. Горький, 1978.

³⁵ Русская диалектология. М., 1964; Захаров К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

³⁶ Лутовинова И. С. Комплексное лингвистическое исследование названий кушаний в псковских говорах: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1977; *ее же*. О лингвогеографическом членении псковских говоров (на материале одной лексико-семантической группы). Лингвоэтногеография. — Сб. научных трудов. Л., 1983.

Вяткой до впадения в нее р. Вои и с востока р. Лумпуной, а также северо-восток, северо-запад и юг области³⁷.

Касаясь разных аспектов интерпретации локального членения и обозначения диалектов, нельзя не видеть некоторых очевидных фактов. Так, крупные пучки изоглосс на лингвистических картах чаще всего совпадают с политическими границами, начиная от эпохи раннего феодализма и кончая иногда довольно поздним периодом. Такие совпадения не случайны. Это не означает, конечно, что нет диалектных границ, не совпадающих со старыми политическими границами (примеров таких несовпадений немало), но здесь важно подчеркнуть, что сами по себе интерпретация и этническая история должны учитывать и факты реальной истории как таковой.

В общетеоретическом плане спорным является вопрос, с какого времени вести исчисление истории этноса. В этнолингвистическом отношении не ясно, когда начинается история диалекта. Можно ли утверждать, что, например, история псковских диалектов начинается от эпохи балтославянских отношений или ставить вопрос о времени возникновения кривичей или словен? По-видимому, можно говорить только о том, что на основе разных источников в такой-то период в данном ареале мы застаем впервые кривичей или словен как этническую общность, выделяемую извне ее, имеющую «свой» язык, этнонимуку, а позднее иногда и письменность. Казалось бы, легче определить время прекращения существования этноса, однако учитывая сказанное о роли контаминации и о трансформации одной этнической группы в другую, сделать это также нелегко. По-видимому, в определенный период со страниц письменных источников, из сознания рядом живущих этнических групп исчезает психологическое представление о своих соседях как о ком-то ином, отличным по языку, образу жизни, исчезает этническое самосознание взаимопротивопоставленности друг другу. Так, постепенно в итоге многовековой языковой, культурной, психологической (включая сюда и материальную и духовную культуры) трансформации наступает этап, когда все элементы культуры, языка воспринимаются уже как свои, исконные.

При всей первостепенной значимости языка (диалекта) как этнического идентификатора следует все же подчеркнуть, что один язык формально не может служить основанием для определения типа этноса.

Возвращаясь к началу статьи, остановимся на том, каким же могло бы быть проблемно-ориентированное этнолингвистическое описание. Оно должно исходить не из лингвистических задач, а из задач этногенеза и этнической истории. Так, этнолингвистическое описание слова в словаре должно с максимальной полнотой давать и значение слова, и описание реалий. Нужны специальные тематические словари по терминологии материальной и духовной культуры.

В принципе для теории этногенеза нужно проблемно-ориентированное описание любых групп лексики. Однако предметные группы, связанные с традиционными занятиями, обрядами, такими, как рыболовство, охота, земледелие, гончарство, строительство, пища, должны быть вовлечены в оборот в первую очередь.

Известно большое значение историко-этнографического атласа «Русские». По-видимому, настало время задуматься и над созданием сводного этнографического словаря «Русские».

В создании комплексных словарей, региональных атласов, тематических описаний групп лексики с ярко выраженной этноисторической направленностью мы видим и основу дальнейшего развития проблем этногенеза и залог успехов подлинной лингвоэтнографии.

³⁷ Лупнова Е. П. Особенности вокализма в говорах Кировской области в связи с вопросом классификации их. Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании. *ее же*. Именное склонение в севернорусских говорах. — В кн.: Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности.